

НЕВА

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

8

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир БЕСПАЛЬКО
Стихи • 3

Руслан РУЗАВИН
Тебе жить. Роман • 6

Галина ГАМПЕР
Стихи • 109

Ренат БЕККИН
В поисках Баумана. Казанская быль • 113

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД
Стихи • 124

Гумер КАРИМОВ
Тихий Оза. Рассказ • 128

Павел ФРЕГАТОВ
Стихи • 136

Дмитрий ФИЛИППОВ
Другой берег. Рассказ • 140

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ГОРЮНКОВ
В рабстве у слов • 149

Гульфия БАЗИЕВА
Северный Кавказ: зона риска и риски зоны • 168

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Владислав БАЧИНИН
Tolstoyevsky-trip.
Опыты сравнительной теологии литературы. Опыт восьмой.
Взрослые «русские мальчики», или Теология Ивана Карамазова • 175

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Эпоха и образы. Ольга Карбасова. Рождение души в русской литературе раннего реализма. **Путь к читателю.** Алла Новикова-Строганова. Христианский дух земли Русской. К 195-летию И. С. Тургенева. **Правда художественная и историческая.** Олег Федотов. И Моцарт, и Сальери... **Метастихопоэтика романа Владимира Набокова «Дар».** **Рецензии.** Михаил Юдсон. Простор лабиринта. Елена Айзенштейн. Лицо музыки Шеймаса Хини. Михаил Петров. О народной метеорологии. **Пилигрим.** Архимандрит Августин (Никитин). Дордрехт — «перл Голландии». **Дом Зингера.** Публикация Елены Зиновьевой • 185–254

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья ЛАМОНТ
(ответственный секретарь,
коммерческий директор)
Александр МЕЛИХОВ
(зам. главного редактора)
Маргарита РАЙЦИНА
(контент-редактор)

Ольга МАЛЫШКИНА
(шеф-редактор молодежных проектов)
Игорь СУХИХ
(шеф-редактор гуманитарных проектов)
Елена ЗИНОВЬЕВА
(редактор-библиограф)

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена
Электронную распечатку рукописей присыпать
на погтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

© Журнал «Нева», 2013

Ренат БЕККИН

В ПОИСКАХ БАУМАНА

Казанская быль

«Нэфис»

В носу у меня защекотало, я громко чихнул и сразу проснулся. Вслед за мной пробудились и мои соседи сверху. Вскоре я услышал их противные сонные голоса, посыпавшие в мой адрес проклятия на смеси русского и татарского языков...

Пока я, оглушенный собственным чиханием и воплями соседей, переворачивался на кровати, рассуждая, вставать мне или спать дальше, все, что окружало меня, включая меня самого, пропиталось сладковатым запахом, словно кто-то злонамеренно разлил по комнате дешевый собачий шампунь...

«Ветер северо-западный», — подумал я и вслед за тем соскочил с кровати, чтобы наконец затворить форточку. Мне не составляло труда определять направление ветра по запаху. Если я начинал чихать чаще обычного — значит, ветер дул с северо-запада, со стороны «Нэфиса».

Красивое мужское имя «Нэфис» досталось заводу, производящему бытовую и прочую химию. «Нэфис», или правильнее «Нэфис Косметикс», поселился в историческом центре города, на правом берегу озера Нижний или Ближний Кабан. Часть корпусов предприятия занимают построенные еще в середине позапрошлого века здания мыловаренного и свечного завода № 1 братьев Крестовниковых. Завод был известен своим мылом, а также стеариновыми свечами. Говорят, жители Старо-Татарской слободы, на территории которой располагался завод, нередко морщили носы от смрада, исходившего со стороны завода. Налицо — преемственность традиций.

Вот уже несколько дней подряд я встаю по утрам, отравленный этим всепроникающим ядом. В полуబреду иду в душ, покачиваясь и покашливая. Но на этом мои страдания не заканчиваются. Казанская вода так отвратительна, что лишний раз не хочется иметь с ней дело. После приема душа я мажу себя двойным слоем крема. Кстати, произведенного на заводе «Нэфис Косметикс».

Петербургская улица

Одно утешает: я в этом городе не навсегда. Напишу диссертацию и махну домой, в Петербург.

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил МГИМО (У) МИД РФ в 2000 году по специальности «юрист-международник со знанием иностранных языков». С 2003 года преподает в МГИМО (У) МИД РФ. В 2005 году вместе с Асламбеком Эжаевым создал литературную премию «Исламский прорыв». С 2007 года является главным редактором литературно-философского журнала «Четки». Доктор экономических наук. Живет в Казани.

Я изучаю здесь утраченные памятники старой Казани. Мой научрук — один татарский музеевед, широко известный среди ученых местного розлива. В свое время ему удалось раскопать где-то монету, благодаря которой чиновники накинули Казани еще два столетия. Это позволило получить на проведение грандиозного юбилея царское финансирование из федерального центра. Вот оно, живое подтверждение того, что и гуманитарные науки могут приносить практическую пользу народному хозяйству!

Я, конечно же, не мечтаю о такой славе, моя задача скромнее: отыскать следы утраченных памятников старой Казани. Друзья называют меня охотником за вчерашним днем. Мне и в самом деле больше интересно не то, что есть сейчас, а то, что было когда-то. Казань в этом смысле — сущая находка для таких чудаков, как я. Еще вчера ты шел по улице и любовался стариным особняком, а на следующий день видишь, что от него остался лишь полуразрушенный фасад. Словно ночью прилетели немцы, и все к чертям разбомбили. Но это не немцы... Кто только не приложил руку к уничтожению старой Казани. Отметились и мои земляки, петербуржцы, заново отстраивавшие Петербургскую улицу, бывшую улицу Свердлова.

Я люблю и ненавижу Петербургскую одновременно. Люблю за то, что на ней всегда малолюдно — в отличие от Баумана, где то и дело рискуешь отдать кому-нибудь ногу. Или встретить знакомого и полчаса болтать с ним о всякой дребедени в каком-нибудь кафе, несмотря на то, что всего каких-то десять минут назад ты пил чай с другим встреченным тобой приятелем. А ненавижу я Петербургскую улицу за то, что она в неизмеримо большей степени петербургская, чем казанская, — по крайней мере, если говорить о той ее части, которая начинается от площади Тukая и заканчивается торчащим из-под земли куполом Казанского собора.

Нынешняя пешеходная часть Петербургской улицы в Казани напоминает смокинг на голом, давно немытом теле бородатого мужичка. Наверное, так же нелепо смотрелась бы Казанская улица в Петербурге, если бы была застроена не домами, выполненными в стиле классицизма, неоклассицизма, модерна, а деревянными избушками, из окон которых выглядывали бы морщинистые лица татарских струшек. Такие деревянные домишкы еще совсем недавно стояли на Петербургской улице. Разбросанные среди каменных зданий прошлых веков, они не только не портили впечатление от этой центральной улицы, но, напротив, создавали уютное, почти домашнее настроение. У этих домов хотелось подолгу сидеть на скамеечке, наливать в рот кумыс из бутылки, заедать все это сытным татарским пирожком и читать какую-нибудь историческую книгу — о царице Сююмбике, например. В такие минуты прежние времена не кажутся столь уж отдаленными.

Достаточно закрыть глаза, и все становится на свои места.

Вот там — каменное здание суконной мануфактуры XVIII века с табличкой: «1752 году 1 сентября построил оную суконную фабрику содержатель господин Дряблов з детми своими...» А вон там — дом Колокольникова, памятник классицизма середины XIX столетия. Если повернуть в противоположную сторону, у самого начала улицы путника встречают эклектичные Музуровские номера. Стоящие в ряд двух-трехэтажные каменные и кирпичные дома вполне органично соседствуют с деревянными строениями.

Но лишь только ты распахиваешь глаза, как видишь, что нет ни мануфактуры, ни Музуровских номеров, ни маленьких деревянных домиков второй половины прошлого века. Вместо всего этого — бездушные, Бог весть из чего слепленные здания-уроды, расположившиеся вдоль пустынной улицы с шутовскими мостиками, ротондой — глупейшей пародией на Казанский собор, как если бы тот вдруг прова-

лился по самый купол под землю вместе с колоннами и Кутузовым и Барклаем-де-Толли в придачу. Пушки, которые никогда не стреляли даже по воробьям, и якоря, которые никогда не знали вкуса ледяной морской воды. Назвать все это уголком Петербурга в Казани может только тот, кто совсем не любит ни Казани, ни Петербурга...

Лев Николаевич

В придачу к якорям и пушкам питерцы подарили Казани бюст Льва Николаевича. Но не Толстого, когда-то учившегося в Казанском университете, а Гумилева, который и в Казани-то, кажется, ни разу и не был. А если и был, то ничем не отметился.

Поначалу на том месте, где поместили голову Гумилева, напряженно взглядывающуюся в сторону улицы Баумана, предлагалось установить памятник Петру Первому — в полный рост. Но татарская общественность заволновалась. Расположенный в самом сердце города памятник царю, который, не моргнув глазом, уморил тысячи жителей Казанской губернии при прорубании «окна в Европу» и пытался насильно крестить сохранившее верность исламу татарское дворянство, — это примерно то же самое, что памятник Наполеону на Красной площади в Москве. Вроде не Гитлер, но все равно неприятно.

Пораскинули мозгами питерцы и казанцы и поставили в начале Петербургской бюст евразийца и большого друга татарского народа Гумилева. А чтобы у самых последних скептиков не оставалось возражений, на постаменте поместили надпись большими буквами: «Русскому человеку, всю жизнь защищавшему татар от клеветы».

Долго ли простоит здесь этот бюст? Сложно сказать. В Казани век памятников недолог. Одни идут на переплавку и становятся подшипниками и иными деталями для трамваев. Такая судьба постигла памятники Державину и Александру Второму. Другие бесследно исчезают, как плохо привязанный велосипед. Когда-то на той же Петербургской улице, в сквере Карла Маркса стоял бюст автора «Капитала». В начале 2000-х, когда бывшую улицу Свердлова спешно ломали к юбилею Казани, Маркс куда-то исчез. Подобная судьба постигла несколькими годами ранее другой известный казанский монумент — памятник Бауману, в честь которого названа самая известная улица города, продолжением которой по всем законам логики является Петербургская.

Улица Баумана

На нынешней улице Баумана не найти ни памятника, ни доски, рассказывающей о том, в честь кого названа улица. В самом деле, кто будет читать казенные слова: «Эта улица получила свое название в честь деятеля революционного движения, уроженца Казани... трагически погибшего от рук...»

Говоря начистоту, главной казанской улице с самого начала не очень повезло с названием. Известно, что придумать имя для улицы — задача гораздо более ответственная, чем дать имя родившемуся человеку. Человек, он что? Век его недолог, поносит он свое имя лет шестьдесят с копейками да и унесет с собой в могилу. Если же он станет известным, то можно и псевдоним сочинить. С названием же улицы такой фокус не пройдет. Если у улицы неблагозвучное имя, то любой, кто живет на ней или работает, вынужден будет нести на себе клеймо неблагозвучия. Важно, чтобы девушка, называющая возлюбленному свой адрес, не стыдилась произносить вслух наименование улицы.

Невская перспектива — звучит впечатительно. Хочется встать и с почтением снять головной убор. Крещатик — ласково и по-домашнему. Большая Проломная улица — это черт знает что! Большая Проломная или просто Проломная скорее напоминает бандитскую кличку, чем наименование главной улицы губернского города. Само имя это указывало на позор города, завоеванного чужеземцами. Войска Ивана Грозного ворвались в город через два пролома, образованных в городской стене, — как раз там, где сейчас проходит улица Баумана.

Новое название, подаренное улице советской властью, звучало коротко и четко, как шлепок мухобойкой спокойным летним вечером по макушке: улица Баумана. В Казани пристрастились давать улицам звучные, завораживающие своим иностранным звучанием названия. Названия эти, ничего не говорящие простому человеку: улица Рентгена, улица Эсперанто, улица Лесгафта...

Кто хоть раз в жизни не делал себе рентген? Вещь полезная, почему бы не назвать в честь него улицу? То, что Рентген — это фамилия человека, который изобрел тот самый рентгеновский метод излучения, мало кому интересно.

Кто теперь сможет поручиться, что улица Баумана названа в честь какого-то революционера, убитого больше ста лет назад в Москве во время демонстрации то ли за царя, то ли против царя, а не по имени единицы излучения положительной энергии, выделяемой прогуливающимися по улице людьми? Один бауман должен равняться, как минимум, тысячи рентгенам. То, что Бауман — самая крупная величина, не приходится сомневаться: иначе кто бы стал называть в его честь главную улицу третьей столицы России?

После исчезновения памятника никто уже не поверит суматошным экскурсоводам, что улица названа в честь какого-то там революционера Баумана. Бауман в Казани давно стал мистическим персонажем наподобие Зиланта — крылатого змея, попавшего на герб города. Или, быть может, Бауман и Зилант — это всего лишь две ипостаси одного и того же существа?

Попробуйте сказать коренному казанцу, что никакого Зиланта в помине не существовало, и это лишь выдумка, и послушайте, что он вам ответит...

Дважды убитый

Слово «Бауман» в Казани перестало ассоциироваться с конкретным историческим персонажем вскоре после того, как памятник этому человеку, стоявший на Кооперативной площади — напротив улицы Баумана, в 1937 году перенесли на место перед Ветеринарным институтом — в двух шагах от Арского кладбища. Здесь, в запущенном, малоприметном для приезжих и большинства горожан месте, памятник, взиравший отныне не на многолюдную центральную улицу своего имени, а на забор, за которым покоились его земляки, был обречен на забвение.

Памятник Бауману был примечателен прежде всего тем, что был водружен не по случаю дня рождения, а в честь 25-летия нелепой гибели революционера.

Уроженец Казани Николай Эрнестович Бауман по прозвищу Грач был одним из инициаторов демонстрации, состоявшейся 18 октября 1905 года. Демонстранты хотели вынудить власти освободить политзаключенных из Таганской тюрьмы, которую за несколько дней до этого покинул и сам Бауман. Революционно настроенные студенты поддержали инициативу Грача. Все были вдохновлены историей Великой французской революции, которая, как известно, началась со взятия восставшим народом главной политической тюрьмы — Бастилии.

В тот злополучный день Бауман отправился на демонстрацию вместе с единомышленниками. Что произошло дальше — сплошная загадка, сплошное нагромож-

дение взаимоисключающих друг друга версий, которые сходятся лишь в одном: Бауман был действительно убит.

Одни очевидцы утверждали, что Бауман с красным знаменем в руках ехал на извозчикской пролетке, вдоль которой висел лозунг «Долой царя!», когда из ворот фабрики Щаповых выскочил комендант общежития для рабочих и ударил Николая Эрнестовича то ли ломом, то ли фрагментом водопроводной трубы по голове. Бауман спрыгнул с пролетки и побежал было к своим, но комендант настиг его и добил своим жестоким орудием.

Иные свидетельствуют, что Бауман, завидев у фабрики Дюфурмантеля проправительственную манифестацию, где было немало рабочих, вскочил на пролетку и направился к манифестантам, чтобы убедить их присоединиться к большевикам. Но вместо согласия он получил там фрагментом трубы в висок.

По другой версии, Баумана убивали сразу несколько человек: рабочий, которому хозяин фабрики заплатил за это дело двугривенный, и мясник по фамилии Буdanov со своим сыном — те работали «забесплатно». Еще один свидетель указывает на то, что Бауман вообще шел пешком, а на пролетке подоспели его убийцы.

Имеется также мнение, что Бауман первый напал на своего будущего убийцу, выстрелив в него в ходе возникшей между ними полемики на политические темы.

Нет единодушия и по вопросу, умер ли Бауман сразу или немного погодя. Одни очевидцы утверждают, что Грач скончался на месте. Другие — что Бауман еще был жив после покушения, его отнесли в здание технического училища, которое впоследствии стало носить его имя. Там он и умер на руках ошеломленных товарищей.

Звучали и такие версии: Бауман в тот день был арестован по пути на демонстрацию, и вместо него у фабрики Дюфурмантеля убили какого-то замешкавшегося студента, а Баумана потом тайком удавили в полицейском участке и мертвого привезли на пролетке к зданию училища...

Но кто бы ни погиб в тот злополучный день на Немецкой улице, уже тогда некоторым очевидцам было ясно: здесь родилась легенда. Одна из свидетельниц гибели Баумана, тогда совсем маленькая девочка, позднее вспоминала о том, что произошло дальше: «Когда товарищи унесли его в ближайшую лечебницу, на мостовой была большая лужа крови, и вот рабочие... толпились на месте убийства и руками дотрагивались до его крови».

По делу об убийстве Баумана проходил всего один обвиняемый — рабочий фабрики Щапова Николай Михайлин. На следующий день после случившегося он пришел с повинной. По его словам, услыхав о демонстрации, он решил непременно убить кого-нибудь из ее участников: «за то, что они против царя». Бауман, демонстративно размахивавший красным знаменем, на пролетке с надписью «Долой царя!» оказался для Михайлина идеальной мишенью...

На памятнике, установленном в Казани, Бауман был запечатлен в день своей гибели. Он скимал в руке красное знамя, театрально выставив правую ногу вперед. Пролетку в композиционную структуру памятника решили не включать: во-первых, возни больше, во-вторых, к пролетке придется еще коня приделывать, а для этого дела особый скульптор требуется. Под памятником было написано: «Николай Бауман (1873–1905)». Ниже был изображен барельеф с гербом СССР. К постаменту вели три ступеньки.

Местом для установки памятника Бауману избрали Рыбнорядскую площадь. Площадь эта в прошлом веке несколько раз меняла свое название, то она звалась Кооперативной, то Куйбышева. Сейчас она названа в честь поэта Тукая. Ее пронзает улица Баумана подобно шампуру, другой конец которого вылезает в виде Петербургской улицы. Перед тем как установить памятник революционеру, бывшую

Рыбнорядскую площадь хорошо почистили и переименовали в Кооперативную. Торговые ряды были убраны, а на месте разбили сквер. Вокруг сквера проложили трамвайные пути. Именно тогда это место, став кольцевой остановкой для трамваев, получило в народе название «Кольцо».

Памятник революционеру был установлен спиной к Музуровским номерам на улице Свердлова и лицом к улице Баумана.

Но любоваться находившейся через дорогу улицей своего имени бронзовому Николаю Эрнестовичу довелось лишь три года. Трамвайное кольцо было ликвидировано, а памятник Бауману был отправлен в ссылку на окраину города, где провел шестьдесят лет, пока во второй половине 90-х не был серьезно покалечен вандалами.

Знали ли гопники, откалывавшие голову Бауману, что девяносто лет назад некто из патриотических соображений так же легко раскроил череп живому Николаю Эрнестовичу? Израненный, обезглавленный памятник подобно древнегреческой статуеостоял еще год, пока не исчез самым таинственным образом. Больше его никто не видел.

Такова официальная история памятника уроженцу Казани Николаю Эрнестовичу Бауману...

«Электроприбор»

Памятник Бауману не случайно оказался перед Ветеринарным институтом. В 1891–1895 годы Коля Бауман был студентом этого института и успел зарекомендовать себя неблагонадежным молодым человеком.

С тех пор многое переменилось. Ветеринарный институт еще осенью 1941-го переехал по другому адресу, и его корпуса занял завод «Электроприбор». По окончании войны завод остался в Казани, став одним из лидеров по производству автопилотов для истребителей и бомбардировщиков.

После переезда Ветеринарного института нахождение Баумана перед заводом выглядело уже совсем неприличной глупостью. Но вопрос о переносе памятника никем даже не ставился. Кажется, о нем и в самом деле забыли. Улица Баумана продолжала носить имя революционера, а памятник Бауману был уже давно никому не нужен. Так продолжалось до прошлого века, когда памятник вдруг исчез.

Накануне я побывал на том месте, где в последний раз видели памятник революционеру — у завода «Электроприбор». Я был уверен, что и теперь, по прошествии более чем десяти лет после исчезновения бронзового Баумана, отыщется немало людей, которые помогут мне набрести на его следы.

На проходной стояла полная безвозрастная женщина в синей куртке охранника. Лицо ее по форме и цвету напоминало какой-то сырой очищенный овощ, но какой, я решительно не мог вспомнить.

— Что вас интересует, молодой человек? — спросила она, почесывая за ухом. — Вы на работу устраиваться? Тогда вам налево, соседний вход.

— Нет, я не на работу. Здесь лет десять назад стоял памятник... Бауману.

— Памятник? Нет, не слыхала. Я тут третий год всего работаю. А кто такой этот... как его?

— Бауман.

— Да. Бауман.

— Так, человек один. А вы не знаете, кто тут давно работает? Может, они мне подскажут.

— Я спрошу старых рабочих, если вообще был, конечно, этот... как его?

— Бауман.

Женщина взяла листок бумаги и стала что-то записывать — наверное, не дававшуюся ей немецкую фамилию.

— Ты вот что, через часик приходи. Рабочий день как раз закончится.

— Спасибо.

Через час я снова был у проходной.

— Ага, вот он, — закричала женщина, указывая на меня пальцем немолодому мужчине с седыми усами, стоявшему рядом у вертушки проходной, — тот, что за Бауманом приходил.

— Это вы, что ли, молодой человек, Баумана разыскиваете? — обратился ко мне усатый. — Всем своим солидным нездешним видом он напоминал мне дореволюционного рабочего с какого-нибудь Путиловского завода в Петербурге.

— Да, я.

— А позвольте узнать, зачем он вам понадобился?

— Я — историк. Пишу про утраченные памятники Казани диссертацию.

— А-а, историк, значит, — со странной усмешкой проговорил усатый и вдруг заговорил со мной как-то быстро и требовательно: — А где ты был, историк, когда твоему Бауману башку отвертели?

— Я... я был в другом городе.

— Тогда понятно. Я тебе вот что скажу. Правда твоя: здесь действительно стоял Бауман еще десять лет назад. Но куда он потом делся, сказать не могу... ты вот что... телефончик запиши одного человека. Мы все Блондом его зовем, а так он — Сашка. Он как раз завтра с отпуска выходит. Ты его и расспроси. Скажи от Сергея Сергеевича.

Я не стал ждать следующего дня и вечером позвонил Блонду.

— Здравствуйте, Александр. Мне Сергей Сергеевич ваш номер дал. Я историк, изучаю утраченные памятники Казани. Мне сказали, что вы знаете про памятник Бауману.

— Ну да, кое-что знаю. Подходите завтра в двенадцать ноль-ноль к проходной завода. У нас обед будет — потолкуем...

Блонд

На проходной ко мне вышел крепкий голубоглазый блондин. Внешне это была полная противоположность Сергею Сергеевичу. Блонд был одет в джинсы, на черную водолазку был накинут серый пиджачишко. Если Сергей Сергеевич напоминал дореволюционного рабочего, то Блонд производил впечатление сотрудника советского НИИ.

— Ты, что ли, историк? — спросил он, разглядывая меня.

— Я.

— Александр?

— Так точно. Можно просто Блонд.

— Хорошо: Блонд.

— Тогда пойдем, тут недалеко, у кладбища, забегаловка одна есть. «Вечный зов» называется. Слыхал?

— Нет.

— Ну, неважно, там и поговорим. — Блонд накинул висевшее у него на руке синее демисезонное пальто и вышел на улицу. Я за ним.

«Вечный зов» оказался довольно опрятной рюмочной. Мы сели за стол, над которым висела выцветшая репродукция с картины Саврасова «Грачи прилетели». Я увидел в этом хороший знак.

— Что пить будете? — весело глядя на Блонда, спросила девушка-официантка.

— Бутылку «Ханской», два стакана, и сыру на тарелке, — сказал Блонд и тут же, нисколько не сомневаясь в положительном ответе, спросил меня: — Ты же угощаешь?

Я кивнул. Вслед за тем я уже было открыл рот, чтобы задать первый вопрос, но Блонд поднял вверх указательный палец правой руки и строго посмотрел на меня:

— Давай выпьем сначала, а потом о делах разговаривать будем.

Мы выпили по пятьдесят. Потом еще столько же. Закусили. Блонд молчал.

— Ну, что там у тебя? — наконец спросил он, когда мы разобрались с сыром.

— Я памятник Бауману ищу. Мне сказал один рабочий на заводе, что ты знаешь что-то о нем.

— Что-то знаю, — с достоинством подтвердил Блонд.

— Не расскажешь?

— Расскажу. Ты только не гони лошадей и не перебивай, — Блонд задумчиво посмотрел на висевшую над нашими головами картину. — Короче, история такая. Памятник и в самом деле перенесли к Ветинституту на Арское поле. По личному приказу Сталина, — слово «Сталин» Блонд произнес, резко понизив голос и оглянувшись по сторонам. Но находившихся в рюмочной посетителей наш разговор, похоже, не сильно интересовал.

— Усатый не любил и боялся Баумана, даже мертвого, — продолжал Блонд.

— А чего он его так боялся?

— Как чего? Это же Бауман! Если бы его не убили, то он был бы вторым после Ленина человеком в партии. А может быть, — Блонд опять перешел на заговорщицкий шепот, — даже и вместо Ленина был бы. Вот поэтому его и убрали.

— Кто убрал? Его же черносотенцы убили.

— Сам ты черносотенец! Эх ты, еще ученый, диссертацию пишешь, а такие глупости, чесслово, говоришь.

— А кто тогда его?..

— Известно кто: Сталин, — прошептал Блонд, стреляя глазами по сторонам. — Усатый Николая Эрнестовича люто ненавидел и боялся. Бауман же за партийную кассу одно время отвечал. Вот у них с Усатым на этой почве конфликт и вышел. Но, убив живого Баумана, Усатый не смог истребить память о нем. В разных городах ставили памятники Бауману. Люди ходили к ним, носили цветы. Например, у нас в Казани, где было немало людей, помнивших Баумана. Сталин хотел этот памятник вообще на фиг снести, но его Буденный отговорил. Сказал ему: «Коба, пусть себе Бауман стоит на новом месте. Мы просто придумаем такой образ Баумана, который нам нужен». Так и сделали. Бауману приписали то, о чем он даже не подозревал. Вскоре ушли из жизни те люди, которые знали Баумана, и ложь стала официальной историей... Слушай, может, еще дернем?

— Давай, — покорно отвечал я. — А что было дальше?

— После распада Союза Баумана вроде как позабыли. Первыми на него обратили внимание местные татарские ваххабисты.

— Кто?!

— Ваххабисты. Ты же ученый человек, тебе не нужно рассказывать, кто это.

— Да, конечно. Только я не совсем понимаю, зачем ваххабитам понадобился Бауман.

— А ты не перебивай и слушай дальше. Короче, они, то есть ваххабисты, утверждали, ссылаясь на некоторых очевидцев гибели Баумана, что он не сразу помер, как говорила официальная версия, а через некоторое время после того, как его ударили этот сталинист Михальчин. Его перенесли в здание училища, и там якобы перед смертью Бауман принял мусульманство.

— Что принял?!

— Не перебивай, — огрызнулся Блонд. — Люди слышали, что он прошептал что-то типа: «Ля ляхи илля лля» или что-то похожее на это. Слова было сложно разобрать. Все-таки человеку череп раскроили. Я вот хоть и со здоровой башкой, и то не могу это без пол-литра выговорить. Короче, сказал он эти слова и отошел. Помер то есть. Понятно, что это не вошло в учебники истории, но свидетельства эти вошли в дневник рабочего Евгения Хамидова, на руках которого Бауман умер. Уже в наши дни сын Хамидова обнаружил эту рукопись, когда разбирали бумаги отца. После этого он сам принял ислам и издал эту книжку.

— Все это смахивает на какую-то злую шутку или мистификацию.

— Я тоже так думал, — сказал Блонд, опустошая стакан. — Но сын Хамидова показал найденную рукопись Николаю Николаевичу Лебедеву. Историку. Ты ведь знаешь его. Он Бауманом всю жизнь занимался. Тот посмотрел рукопись и сказал: да, это рука Николая Эрнестовича, нет никакого сомнения.

— Чудеса! А о чём в этой книге говорится?

— В этой книге Бауман утверждал, что социалистическая революция — это только промежуточный этап на пути к революции исламской, как в свое время Февральская революция была лишь прелюдией к революции Октябрьской. Что все проблемы, которые имеются в этом мире, от того, что мы отступили от заветов праведных предков и что нужно бороться с недозволенными нововведениями, привнесенными в нашу жизнь недостойными потомками. В общем, ваххабисты, когда эта книга появилась,шибко обрадовались. Все-таки такая фигура, как Бауман, придавала авторитет их движению. Но тут объявились... как их, дьялов... шииты. Ты же знаешь, кто такие шииты?

— Имею представление.

— Так вот. Шииты сказали ваххабитам: «Нет уж, дудки! Бауман был шиитом и писал об исламской революции, которую, следуя его заветам, совершил наш незабвенный имам...» Как его?

— Хомейни.

— Точно: он! Долго ваххабисты не могли поделить Баумана с шиитами. Во времена одной из этих потасовок ваххабиты откололи Бауману голову. Они же считают, что изображения людей — мерзопакостное дело, грех. И когда голову ему, Бауману то есть, откололи, то обнаружилось, что это не бронзовый памятник, стоявший на Кольце, а его гипсовая копия.

— Где же теперь сам памятник?! — вскричал я.

— Где, — с хитрой улыбкой передразнил меня Блонд. — Мы давно с ребятами на заводе смекнули, что Грача спасать надо. Еще когда ваххабиты стали к нему только принююхиваться. И однажды ночью мы пригнали кран, КамАЗ, все дела, сняли памятник с постамента и перевезли в надежное место. А на его место установили гипсовую копию. Ее за пять бутылок «Распутина» нам изготовил один художник. Новая голова стала лучше прежней. Чесслово!

— Так все-таки где сейчас этот памятник? — спросил я, слатывая слону.

— Как где? — Блонд поднял на меня полные любви глаза. — Там, где ему и положено находиться, на Кооперативной площади, то бишь Тукая, на Кольце, значит...

— Каком Кольце? — от последних слов Блонда я на мгновение прозрел. — Блонд, дорогой, не до шуток мне сейчас. Там же Гумилев сейчас. Я только сегодня утром там проходил. Сам видел его в снежной шапке. Ворона еще на нем сидела, на самой макушке. Я еще снежок в нее бросил.

— Сам ты ворона! — с обидой произнес Блонд. — Раб стереотипов. Ты хотел видеть Гумилева, вот и увидел. А взгляделся бы получше, то увидал бы, что нет там

никакого Гумилева в помине, а стоит в обнимку со знаменем наш дорогой Николай Эрнестович Бауман.

Я осушил стакан.

— Всего и надо, что вглядеться, Боже мой, — запел Блонд неприятным, срывающимся голосом. — Всего и надо, что *вним-а-а-а-а-а-а-тель-но* вглядеться... — От его голоса у меня мурашки забегали по телу. Словно это пел не Блонд, а вышедший прошвырнуться покойник с располагавшегося в двух шагах от нас Арского кладбища.

— Так ты сам его там видел?! — закричал я, увидев, что Блонд собирается допеть песню до конца.

— Конечно, — недовольно произнес Блонд, прервав пение.

— Когда именно?

— Вчера, когда с женщиной своей гулял. Мы под ним свидание назначили.

— Ты... в этом уверен?

— Абсолютно. Ты, главное, незамутненным взором посмотри, внутренним взором, так сказать. А то ты шуруешь мимо в полной уверенности, что там стоит Гумилев. Ты сам себе сказал: «Кому же там еще стоять, как не дьяволу этому... Гумилеву?!» А ты представь, что нет там никакого Гумилева. Просто потому, что его и в самом деле там не должно быть. Представь, что ты впервые на этом месте и никогда не был там прежде.

— Хорошо, попробую, — я пожал руку Блонда и, покачиваясь, побрел к остановке.

— Слушай, Блонд, а можно еще вопрос?

— Валяй. От меня не убудет.

— А почему ты так интересуешься... Бауманом?

Блонд посмотрел на меня и хитро улыбнулся.

— Есть этому факту научное объяснение. Дело в том... Я — внук Баумана.

— Внук?

— Он самый. После учебы Бауман отправился ветеринарным врачом в село Новые Бурасы. Это в Саратовской губернии. Там он полюбил молодую крестьянскую девушку — Аграфену. Бауман вскоре уехал в Петербург, а она через положенное время родила мальчика Мишу — моего отца. Так что у меня свой интерес. Кровный. Понимаешь?

— Понимаю...

Подшипники

Пока мы вели нашу неторопливую беседу, погода переменилась. Пожалуй, только в резкой перемене погоды Казань походит на Петербург.

Начиналась нешуточная метель. Запрыгнув в троллейбус, я вспомнил серьезную физиономию Блонда, его последние слова и рассмеялся над собственной глупостью.

«Ну, и идиот же я! Обрадовался: нашел Баумана. Связался с каким-то недоумком, городским сумасшедшим. Сын лейтенанта Шмидта! На что только не идут люди, чтобы за чужой счет водки выпить. Налил бы еще, так он бы себя внуком Ленина назвал. Чего уж там... Нет, пойду завтра снова на завод, поищу кого-нибудь поприличнее».

Когда я вышел у «Часов», кругом все свистело, выло, кружило. Я двинулся в сторону Петербургской, на свою остановку — напротив «Детского мира». О прогулке пешком не могло быть и речи.

В двух шагах невозможно было ничего разглядеть. Прежде чем нырнуть в подземный переход, я посмотрел на противоположную сторону площади Тukая — туда,

где когда-то стоял памятник Бауману. Я некоторое время всматривался вдаль, но без всякого результата.

— А ведь как излагает, сукин сын, — рассуждал я сам с собой, никак не желая выбрасывать из головы разговор с Блондом. — Я ведь почти поверил. Всего и надо, что взглянешь...

Я вынырнул из перехода и только преодолел последнюю ступень, как по макушке моей будто провели ледяной метлой. Порывом ветра с моей головы снесло ушанку. Я нагнулся, чтобы поднять ее, но она, словно дразня меня, полетела, подгоняемая ветром в ту сторону, где сегодня утром я видел бюст Гумилева с вороной на голове. Я настиг ее, поднял, отряхнул и замер... На высоком постаменте, к которому вели три ступени, в нескольких шагах от меня, я отчетливо прочитал надпись: «Николай Бауман». Я поднял глаза выше и увидел темную фигуру, сжимавшую в руках какой-то предмет, похожий на длинную палку...

Вцепившись обеими руками в шапку, я устремился к памятнику. Нас разделяли всего несколько шагов, но чем быстрее я передвигался, тем дальше оказывался от цели. Я остановился перевести дыхание и понял, что нахожусь уже метрах в пятидесяти от памятника. Но даже теперь, отдалившись от него, я мог, нисколько не сомневаясь, утверждать, что я только что видел что угодно, но только не бюст Гумилева.

Вдруг справа от меня я услышал шум, который обычно издает сигналящий трамвай. Я не мог ошибиться. Трамвай — мой любимый вид транспорта с детства.

«Откуда он здесь взялся? — подумал я. — Здесь же не ходят трамваи! Тысячу лет уже не ходят!»

Я повернул голову и в самом деле вскоре увидел несущийся на меня трамвай с включенными фарами. Но вместо того чтобы отпрянуть в сторону, я стоял, не смея сдвинуться с места. Я растерянно глядел на два больших круглых желтых глаза устремившегося на меня визгливого, невесть откуда взявшегося чудовища. Когда трамвай оказался совсем близко от меня, я увидел лицо вагоновожатого. Он глядел прямо на меня и хохотал, как сумасшедший. Это был Блонд! Но Блонд работает на заводе, а не водит трамваи!

Я отпрянул в сторону, и шапка снова слетела с моей головы. Я прыгнул за ней, нагнулся, чтобы поднять, но не успел: что-то большое и настойчивое сильно толкнуло меня в спину...

Трамвай продолжил свой путь. Стук колес звучал в унисон метельной музыке.

«Наверное, подшипники для этого трамвая сделаны из памятника Державину, — успел подумать я. — Или Александру Второму».

Мой саркастический смех захлебнулся в снегу.